

Когда небо начало светлеть, окрашиваясь в нежно-розовый цвет, первый луч солнца пробился сквозь облака, даря миру свое ласковое тепло. В комнате, однако, было куда уютнее, чем под зимним солнцем. Это тепло заставляло Дугу Цзюэ снова и снова поддаваться искушению понежиться в кровати.

Лэн Цинло вновь вздохнула:

— Цзюэ-эр, сестре действительно пора идти.

Она похлопала по руке, обнимавшей ее за талию, давая понять, что пора отпустить.

— Еще немного, еще чуть-чуть, — Дугу Цзюэ, не открывая глаз, уткнулась лицом в грудь Лэн Цинло и капризно протянула.

— Цзюэ-эр, если опоздать, снежная роса потеряет свои свойства. Вот соберу ее достаточно, и буду лежать с тобой сколько захочешь, договорились? — Лэн Цинло ласково уговаривала девочку.

В конце концов Дугу Цзюэ разжала руки:

— Хорошо. А после сбора росы ты снова пойдешь собирать травы?

— Да, — Лэн Цинло, приведя себя в порядок, взяла в руки маленькую корзинку. — Хоть зимой их и трудно найти, если хорошо поискать, то обязательно что-нибудь отыщется. — Она нежно улыbnулась Дугу Цзюэ. — Если ничего не найду, вернусь пораньше.

Глаза Дугу Цзюэ, похожие на прозрачный хрусталь, хитро блеснули, словно она что-то задумала, и она одарила Лэн Цинло сладкой улыбкой:

— Хорошо, сестра, будь осторожна.

Как только Лэн Цинло ушла, Дугу Цзюэ тут же встала. Без тепла сестры кровать превратилась в обычное лежбище, не стоившее того, чтобы в нем оставаться.

Хуашань возвышается, словно огромная кузнечная печь,

В недрах ее кипит изначальная энергия.

Внезапно рождается божественное мастерство,

Вершины пронзают небесную высь.

Следы духовных сил обнажают когти,

Убийственный холод виден в острых гранях.

Обычным растениям здесь не выжить,

Лишь бессмертные духи находят здесь приют.

На самой вершине горы Хуашань юноша в лазурных одеждах танцевал с мечом. Его клинок, окутанный потоками внутренней энергии, чертил в воздухе изящные дуги. Меч звенел, откликаясь на зов окрестных духовных камней. Юноша совершил несколько прыжков в воздухе, поднимая вихри снежной пыли.

— Ха!

Насмешливая усмешка заставила юношу насторожиться. Он весь напрягся:

— Кто здесь?!

— Это и есть Меч Благородного Мужа? — раздался ленивый голос, в котором сквозила ирония.

Линь Цзышань огляделся, но никого не увидел. Поняв, что столкнулся с мастером, он сложил ладони в приветственном жесте и обратился к пустоте:

— Я Линь Цзышань, старший ученик школы Хуашань. Не сумев постичь истинное мастерство учителя, я опозорил Меч Благородного Мужа, и мне весьма стыдно. Прошу, покажитесь!

В этот момент, словно гонимая ветром, появилась алая тень и плавно опустилась на высокий камень. Уголки губ на детском личике слегка приподнялись, выражение было одновременно невинным и пугающим.

Увидев, что пришедшая — всего лишь девочка, которой еще не исполнилось и двенадцати лет, Линь Цзышань расслабился. Однако тут же он вспомнил, что Хуашань — не то место, куда может забрести кто угодно. Раз она смогла сюда подняться, значит, обладает выдающимися способностями. Но ее пренебрежение к Мечу Благородного Мужа не укрылось от него. Линь Цзышань нахмурился:

— Кто ты такая, девочка? Почему свободно разгуливаешь по вершине Хуашань? Сюда позволено приходить только ученикам нашей школы. Прошу, уходи немедленно, иначе не обессудь за грубость.

Линь Цзышань полагал, что его предупреждение испугает девчонку в красном, но та даже не шелохнулась.

— Боюсь, у тебя не хватит сил, чтобы выгнать меня.

Какая дерзость! Даже у самого терпеливого человека лопнуло бы терпение, если бы его

постоянно унижала маленькая девчонка. Линь Цзышань вскинул меч:

— Раз ты настаиваешь, то спроси у моего клинка, хватит ли у меня сил!

Дугу Цзюэ с восторженным блеском в глазах смотрела на бегущего к ней противника. Используя технику легких шагов, она, подобно ласточке, пронеслась вперед, прямо навстречу сверкающему лезвию, ничуть не опасаясь его смертоносной энергии.

Линь Цзышань в ужасе наблюдал, как она сама бросается на меч. В тот же миг Дугу Цзюэ кончиками пальцев слегка щелкнула по клинку. Меч издал жалобный стон, рука Линь Цзышаня задрожала от вибрации, он не удержал рукоять, и оружие выпало.

Дугу Цзюэ усмехнулась и, метнувшись вперед, нанесла удар ладонью в грудь юноши. Линь Цзышань, который был почти на голову выше ее, отлетел в сторону.

— Кха! — изо рта Линь Цзышаня хлынула кровь. При малейшем движении в груди возникала острая боль, словно все внутренности были раздроблены. Он смотрел на нее с нескрываемым изумлением: — Ты...

Дугу Цзюэ с удовлетворением смотрела на поверженного противника, даже не подозревая, что использовала лишь половину своей внутренней силы.

Увидев, что фигура в алом приближается, Линь Цзышань ощутил леденящий страх. Казалось, перед ним не двенадцатилетний ребенок, а само воплощение демона!

— Не... не подходи... — он, преодолевая невыносимую боль, отполз на несколько шагов назад.

Дугу Цзюэ холодно смотрела на него. Услышав чуткие ухом шаги вдалеке, она остановилась:

— Не смог выдержать даже одного удара моей Техники Преисподней. Бесполезный. Похоже, ты действительно опозорил Меч Благородного Мужа.

— Техника... Преисподней? — в ужасе прошептал Линь Цзышань.

Достигнув цели, Дугу Цзюэ развернулась и, не оглядываясь, исчезла в снежной мгле.

На вершине Хуашань кошмар закончился, но у подножия горы двое — мужчина и женщина в черном — все еще были в его власти.

— Семнадцатая, беги, быстрее! — окровавленный мужчина из последних сил преграждал путь преследователям, пытаясь выиграть хотя бы мгновение для девушки.

— Четырнадцатый! — с глазами, полными слез, крикнула она, глядя, как он отчаянно сражается.

Раздался бешеный топот копыт.

— Но! — Семнадцатая неслась на коне во весь опор. Ее лицо было бледным, но взгляд — острым и сосредоточенным. Поводья впивались в ладони. Там, где проскакивал конь, оставался кровавый след — было неясно, чья это кровь, животного или человека.

Позади нее настигали преследователи. Белоснежный снег безжалостно топтался копытами — шла борьба не на жизнь, а на смерть.

В какой-то момент конь поскользнулся, и Семнадцатая упала. Преследователь взмахнул кнутом, и обезумевшее от боли животное с еще большей силой забило копытами по снегу.

— Семнадцатая, тебе не уйти. Провал задания карается смертью, — главарь преследователей с длинным тесаком в руках подошел к лежащей в снегу девушке.

— А-Сы, неужели ты не можешь вспомнить о том, что мы вместе прошли через столько испытаний, и отпустить меня? — взмолилась она.

А-Сы помолчал, глядя на нее холодным взглядом:

— В Павильоне Темной Ночи есть только приказы и задания. Чувств нет.

— Ха... и правда, наемники бездушны, — не то себе, не то ему прошептала Семнадцатая.

— Один удар — и все закончится, — он направил на нее свой огромный тесак. Это было единственное милосердие, которое он мог ей даровать — уход из жизни без мучений.

Лезвие опустилось, но Семнадцатая инстинктивно откатилась в сторону. Тесак вонзился в камень, и во все стороны полетели осколки.

— Семнадцатая, не трать силы на бесполезное сопротивление. От одного раза ты увернулась, от второго — не сможешь, — по-доброму предупредил А-Сы.

Семнадцатая горько усмехнулась. Верно, сил на второй раз у нее уже не было. Может, смерть — это и правда избавление?

И в тот миг, когда она приготовилась принять удар, лезвие, занесенное над ней, так и не опустилось.

<http://bllate.org/book/19784/1949657>